

Конечно, взяткодатель является ключевой фигурой, но это вовсе не исключает оценки посредничества в качестве соисполнительства. В этой связи под сомнение ставится возможность отграничения соисполнительства в даче взятки (дача взятки, совершенная группой лиц без предварительного сговора или по предварительному сговору), допускающего техническое разделение функций, от посредничества путем передачи взятки по поручению взяткодателя взяткополучателю. Принадлежность средств подкупа, содержание целей не будут играть решающей роли. В противном случае меньшая или большая заинтересованность посредника в даче взятки и совершении действий подкупаемым должностным лицом, наличие права собственности на вещь, передаваемую в качестве средства подкупа, или его отсутствие и т. д. будут определять наличие или отсутствие соисполнительства, отвечающего всем необходимым признакам. Реализованный в ст. 291.1 УК РФ подход законодателя к оценке посредничества во взяткодничестве во многом противоречит устоявшимся положениям института соучастия в преступлении.

Одной из причин введения ст. 291.1 УК РФ может и является непредусмотренность действий, образующих посредничество во взяткодничестве, в ч. 5 ст. 33 УК РФ, дающей определение пособника в совершении преступления. Однако данная проблема является больше надуманной. Посредник в большинстве случаев выполняет соисполнительские действия. С квалификацией действий лиц в рамках соучастия в преступлении никаких проблем нет.

Следовательно, целесообразность обособления ответственности за посредничество во взяткодничестве путем непосредственной передачи взятки по поручению взяткодателя в ст. 291.1 УК РФ непонятна. Другая ситуация складывается с получением взятки (ст. 290 УК РФ), субъект которой специальный. Правоприменитель в вышеназванном постановлении Пленума Верховного суда РФ указывает, что действия лиц, не обладающих признаками специального субъекта, предусмотренными ст. 290 УК РФ, и участвующих в получении взятки группой лиц по предварительному сговору, квалифицируются соответственно как посредничество во взяткодничестве (ст. 291.1 УК РФ). В данном случае с учетом некоей ущербности понятия пособничества совершению преступления (ч. 5 ст. 33 УК РФ) норма, предусмотренная ст. 291.1 УК РФ, применительно к получению взятки необходима. В то время как субъект дачи взятки не предполагает специальных признаков.

Еще один веский аргумент в пользу выведения из ст. 291.1 УК РФ посредничества путем передачи взятки по поручению взяткодателя взяткополучателю – санкции, предусмотренные в ч. 1 ст. 291 и ч. 1 ст. 291.1 УК РФ. Санкция ч. 1 ст. 291.1 УК РФ на порядок строже, чем ч. 1 ст. 291 УК РФ. Понятно, что посредничество путем передачи взятки по поручению взяткодателя не может быть гораздо более общественно опасным, чем сама дача взятки. Проблема заключается в том, что законодатель объединил в ст. 291.1 УК РФ различные по своей сущности и общественной опасности деяния – посредничество со стороны должностного лица и посредничество со стороны взяткодателя. Решение, которое применялось ранее, в этом плане являлось более рациональным, поскольку применялась санкция той или другой статьи УК РФ в зависимости от того, в чьих интересах действовал посредник.

С учетом этого и во избежание искусственно вызванных дискуссий, коллизий уголовного законодательства, а также проблем в правоприменительной практике считаем, что из ст. 291.1 УК РФ необходимо исключить указание на такую разновидность посредничества во взяткодничестве, как непосредственная передача взятки по поручению взяткодателя. Указанные действия должны квалифицироваться как соисполнительство в даче взятки по п. «а» ч. 3 ст. 291 УК РФ.

УДК 343.96

М.Ю. Кашицкий

ПРЕСТУПНОЕ ПОВЕДЕНИЕ ЛИЦ С ПСИХИЧЕСКИМИ РАССТРОЙСТВАМИ

В последнее время последствия преступного поведения лиц с психическими расстройствами все чаще становятся объектом пристального внимания средств массовой информации, вызывая большой общественный резонанс во всех слоях социума, что связано как с тяжестью совершенных психически нездоровыми людьми деяний, так и с их ярко выраженными негативными последствиями для общества и государства.

Как свидетельствует анализ зарубежной юридической литературы, сегодня во всем мире наблюдается значительный рост преступности лиц с психическими расстройствами и устойчивый рост среди населения криминогенно значимых психосоциальных девиаций (наркомания, токсикомания, алкоголизм, проституция, бездомность, насилие в семье и др.). В научных работах российских криминологов содержится информация о том, что 20–25 % лиц, совершивших преступления, страдают различными расстройствами психической деятельности в рамках вменяемости, а среди лиц, привлекаемых к уголовной ответственности, особенно за насильственные преступления, удельный вес лиц с психическими нарушениями составляет до 80 %.

По данным медицинской статистики, психические расстройства (несмотря на ярко выраженную латентность) относятся к числу наиболее распространенных болезней человека – ими страдает как минимум каждый 10-й человек и на них приходится 10 % общего объема экономических потерь, вызванных болезнями человека, при этом число психически больных достигает на земном шаре от 17 до 100 человек на 1 000 населения, а общее число психически больных – приблизительно 150 млн. По сведениям Министерства здравоохранения Республики Беларусь, на диспансерном и профилактическом учете у врача-психиатра и врача-нарколога в стране состоит более 500 тыс. белорусских граждан, при этом за последнее десятилетие прирост числа новых больных психическими расстройствами в Беларуси превысил 50 %.

Важно также отметить, что психические расстройства не просто влияют на поведение индивида, но часто и обуславливают его противоправное поведение. Именно поэтому в зарубежной криминологии уже давно уделяется пристальное внимание корреляции психических расстройств и противоправного поведения. На существующую связь между психическим расстройством и совершенным преступлением неоднократно указывали в своих работах И.М. Фарбер, И.Н. Введенский, П.Б. Ганнушкин, А.Ф. Зелинский, Ю.М. Антонян, С.В. Бородин, В.В. Гульдман и др.

В то же время ряд зарубежных специалистов совершенно справедливо отмечают, что само по себе психическое расстройство не является непосредственной причиной преступления, а выступает лишь условием, на фоне которого негативно воздействующая на больного действительность, преломляясь через деформированное сознание больного, находит отражение в его общественно опасном реагировании на данное воздействие. Такие люди из-за имеющихся расстройств психики не способны правильно (адекватно) отражать объективную реальность (нарушено восприятие), т. е. действительно имеющие место в жизни факты, явления, события окружающей действительности (внешнего мира). Из-за неадекватного восприятия они не способны правильно (адек-

ватно) осмысливать (анализировать) сложившуюся ситуацию перед преступлением, т. е. наблюдается неправильное (неадекватное) установление собственного отношения к этим явлениям и обстоятельствам, определение мотивов своих действий и прогнозирование их возможных последствий (нарушено мышление). Соответственно из-за неадекватного осмысления сложившейся ситуации их поведение носит неадекватный, а нередко противоправный характер. При этом вследствие ослабления волевого контроля, а также в зависимости от выраженности личностных или психопатологических изменений, имеющих особенностей высшей нервной деятельности они могут действовать импульсивно, нередко инстинктивно, а соответственно, порой быстрее, чем здоровые лица, начинают совершать противоправные деяния.

В настоящее время приходится констатировать, что в современной отечественной и зарубежной криминологической литературе еще недостаточно накоплено сведений относительно действенных мер предупреждения противоправного поведения лиц с психическими расстройствами, несмотря на распространенность данного социально негативного явления.

Следует также отметить, что проблема предупреждения преступного поведения лиц с психическими расстройствами охватывает не только профилактику, направленную на устранение криминогенных фактов, но и обеспечение наиболее благоприятных условий жизни, формирования личности, особенно на ранних этапах ее социализации.

Мы убеждены, что предупреждение преступного поведения лиц с психическими расстройствами невозможно без разработки комплексных профилактических мер и определенных этапов их реализации. В первую очередь речь идет о применении комплексного, системного и междисциплинарного подходов. Как справедливо отмечали Ю.М. Антонян и С.В. Бородин в работе «Преступное поведение и психические аномалии», эффективная профилактическая деятельность может основываться только на познании специфики личности субъектов с расстройствами психики, генезиса и механизма противоправных действий таких лиц, методологически верной оценке криминогенной роли психических расстройств на примере использования новейших достижений психиатрии, психологии, педагогики при условии дальнейшего совершенствования законодательства.

Высокая распространенность и сложная природа противоправного поведения лиц с психическими расстройствами, неоднозначные подходы, существующие в юриспруденции к его определению, выраженный социально негативный характер последствий такого поведения, недостаточная эффективность существующих профилактических мер криминологического характера свидетельствуют об особой актуальности исследований, направленных на изучение данного негативного явления.

По нашему мнению, в основе разработки эффективных предложений по предупреждению противоправного поведения лиц с психическими расстройствами должны лежать системно-комплексный и междисциплинарный подходы, основанные на глубоком осмыслении проблемы на теоретико-методологическом (криминологическом), эмпирическом (уголовно-правовом, уголовно-исполнительном) и философско-психолого-психиатрическом уровнях.

Таким образом, в условиях современного развития науки, трансформации законодательства, а также неоднозначной практики первоочередное значение приобретает системно-комплексное и междисциплинарное исследование преступного поведения лиц с психическими расстройствами, как явления, создающего непосредственную угрозу жизни, здоровью, правам и свободам граждан, с целью разработки и реализации адекватных, действенных правовых и организационных мер его предупреждения.

УДК 343.725

А.В. Ковальчук

ОТГРАНИЧЕНИЕ КРАЖИ ОТ ПРИСВОЕНИЯ НАЙДЕННОГО И НАХОДКИ

В практической деятельности ОВД часто возникает необходимость в отграничении кражи чужого имущества от незаконного присвоения найденного и находки. При принятии решения по заявлениям (сообщениям) граждан о розыске забытого либо утерянного ими имущества сотрудникам не всегда ясно, какие нормы следует применять в отношении лица, нашедшего и присвоившего его, в той или иной ситуации: гражданско-правовые, административно-правовые или же нормы уголовного законодательства.

Уясняя критерии отграничения кражи от присвоения найденного и находки, следует обратить внимание на следующие законодательные положения. В соответствии с принципом законности, закрепленным в ч. 2 ст. 3 УК Республики Беларусь, преступность деяния, его наказуемость и иные уголовно-правовые последствия определяются только уголовным законом. Понятие хищения раскрывается в примечании 1 к гл. 24 УК, под которым понимается «умышленное противоправное безвозмездное завладение чужим имуществом или правом на имущество с корыстной целью путем кражи, грабежа, разбоя, вымогательства, мошенничества, злоупотребления служебными полномочиями, присвоения, растраты или использования компьютерной техники».

ГК Республики Беларусь определяет ряд вещей, не обладающих признаками предмета хищения: бесхозные (ст. 226), движимые, от которых собственник отказался (ст. 227), находку (ст. 228). Первые два из указанных видов вещей для лица, которое ими завладевает, т. е. изымает из обладания потерпевшего и обращает в свою пользу, ввиду своих юридических свойств не могут выступать в качестве предмета хищения. Найденные же вещи, при условии того что лицо, их обнаружившее, осознает, что они бесхозные или оставлены собственником, являются чужими для лица, их присвоившего. Однако и в данном случае найденные вещи не могут выступать предметом хищения, поскольку являются на момент обнаружения утраченными собственником, т. е. выбывшими из его владения.

Для того чтобы признать в действиях лица состав кражи, необходимо установление следующих признаков.

1. Деяние лица должно выражаться в активном противоправном безвозмездном изъятии имущества. Суть данного признака заключается в том, что кража будет иметь место в рассматриваемой ситуации тогда, когда она совершена именно путем активных, а не пассивных действий. Например, состав кражи отсутствует, если лицо обратило внимание на человека, который уронил портмоне с деньгами, однако не сообщило ему об этом, а после убийства собственника, присвоило потерянное имущество и деньги. В данном случае самого изъятия имущества нет, а обращение происходит лишь тогда, когда собственник (владелец) утратил его, поэтому состав кражи отсутствует. Вместе с тем лицо, попытавшееся утаить находку либо не заявившее о ней в ОВД или орган местного управления и самоуправления, на основании ч. 2 ст. 230 ГК лишается права на вознаграждение. Более того, по действующему законодательству лицо, присвоившее найденное заведомо чужое имущество или клад в размере, не являющимся особо крупным, должно нести административную ответственность по ст. 10.6 КоАП, а в особо крупном размере – уголовную ответствен-